

Моим друзьям

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марина, 23 года.

И люди, которые могут что-то сказать, но не рискуют.

1

Я гуляю по городу. Это мой асфальт. Это мои бордюры. Это мои стены. Вот здесь была огромная реклама

кофе. А тут огромная реклама какао. Вот здесь родители покупали лотерейные билеты. Они так надеялись, что у них все будет хорошо. До сих пор здесь продают лотерейные билеты. А прошло двадцать лет. И до сих пор кто-то думает, что у них все будет хорошо. Но тут только большие лужи. Май. Все растаяло. Прошли первые дожди. Какая красота. А мы не видим. Мы бежим. Или стоим на месте... Кто как! Ночь. За окном рыжий фонарь. И слышно, как он выключается. Никто не слышит больше... А он слышит... Она слышит... Фонари гаснут, солнце готово встать, воздух становится холоднее. Одна из главных улиц города. Птицы. Метла дворника. Но за окнами, в квартире, все совсем не так. Из телефона долбит музыка. Пять человек спят на одном диване, три на другом, а еще кто-то закрылся в отдельной комнате. На маленькой кухне сидят двое – Марина и Вова. Это у Вовы из телефона музыка. Марина ногтями отскабливает с бутылки этикетку, Вова отскабливает свою.

Марина. И как оно тут раньше было? Ни туалета, ничего... Все равны. У всех одинаково нет туалета дома. И кухни нет. Есть только место, чтобы чайник поставить и руки помыть. Вот так только равенство можно ощутить. Когда у всех все есть в равной степени – всегда будет казаться, что у другого больше. А возьми и отбери что-то необходимое у всех сразу – люди братьями станут. Вот тебе, Вов, универсальный рецепт революции. Мы сытые, у нас есть туалеты в домах. Потихонечку сделай, ну? Там спят уже. Фонари вон погасили. Вов.

Вова выключает музыку.

Марина. Ну я же не про то, чтобы совсем... Ну... А вот тут вот шкаф, видишь? Мамка прибиралась как-то, доста-

ла оттуда огромный старый-старый чемодан, набитый фотографиями и самиздатом. Еще какие-то там документы были. Фотки она оставила, а все остальное выкинула. А там Набоков самиздатовский был. Сказала, что у нас дома есть в нормальном издании он. Представляешь? В нормальном издании! Но это же самиздат, дедушка, может, сам сидел перепечатывал это все. А она выкинула. Дедушка у меня тот еще революционер был. Диссидент. Ну как это правильно? Как-то в бумагах рылась, нашла несколько вариантов одного и того же письма, где говорится, что Сталин козел конченный и что ему нельзя подчиняться. И письмо еще датировано пятьдесят первым. Не подписано только. Вот дед у меня, скорее всего, такой диссидент. Сталина обсирал еще до того, как это стало мейнстримом. У меня дед и родился тут, в квартире этой вот прямо. И в войну тут вот жил со своими родителями. Вообще никто, кроме нашей семьи, в этой квартире не жил. Как в тридцать третьем построили, так вот и выдали. А мамка продавать собралась. Завтра первые покупатели придут, надо показать им квартиру. И дачу тоже продать надо... Ну, она заставляет. Она же в Италии у меня. Сказала, что в России только лохи живут, что интеллигенцию травят, что правительство козлы, ну и всякое такое. И свалила. Интересно вот только, если Италия для нее до сих пор за граница, то это значит, что она все еще живет в России. Ну, в голове своей. Какой смысл тогда бежать было? И это, между прочим, всех этих диссидентов касается, всех, кто типа всегда против власти, против всего русского. Неинтересно тебе, наверное, про это... Прости... А я тут на одном паблике видела, как надо правильно целоваться. Нельзя рот широко раскрывать, надо так, чтобы не больше двух пальцев в рот помещалось, типа это идеальное раскрытие пасти. Ну, губ. Рта. Папа просто всегда пастью называл рот. Мой, наверное,

только. А еще знаешь? Я очень люблю простые числа! Ну, это те, которые делятся без остатка только на единицу и на самих себя. А четные числа совсем не люблю. Но есть одно четное число, которое является простым! Это я на всю жизнь запомнила. Мне было девять. Ну, исполнялось девять. Праздник. Все так чинно, детское шампанское на столе, сок, торт. Пришли знакомые родителей и бабушки с бабушкой. Все меня поздравляют, я к тарту наклониться из-за бантов не могу. Сажу на двух подушках довольная все равно, что я сегодня красавица и главная молодец. И тут папа заходит, он где-то уже отпраздновал мой дэра. И с порога у меня спрашивает, какое число является простым и четным. А я судорожно соображать начала, думаю, че за хрень папа спрашивает. Не может такого быть. А он так через весь стол перегибается и в лицо мне кричит: «Два! Это ответ и твоя оценка!» И уходит. Меня все давай успокаивать, но так-то да. В девять лет стыдно не знать, какое простое число четное... Вов... надо засрать хату. Очень надо.

Она берет бутылку и бьет ее о стол, но бутылка не разбивается. Стекло для вина прочно!

Марина. Блин.

Она берет пепельницу, встряхивает все на пол.

Марина. А еще мама говорила всегда, что если не стану такой же великой, как все мои пра, и пра, и пра, и пра, и пра, и все такие, то...

Марина достает металлическую мясорубку и бьет ей по бутылке. Бутылка поддается, разбивается.

Марина. Ой, да, короче, давай целоваться. Так говорить надоело.

Вове деваться некуда. Они стоят на осколках и целуются. Оба стараются не широко открывать рот, чтобы максимум два пальца.

2

День. Квартира. Никаких праздношатающихся людей нет. Только Марина и тучная женщина. Квартира в ужасном состоянии, конечно. Прокурено, дышать особенно нечем, на полу много осколков.

Марина. Я же говорю, что район неблагополучный, хоть и центр.

Женщина тербит длинную сержку в ухе.

Марина. Тут у нас под окнами в День Победы, в День города, во все праздники, кароч, тут у нас общественный туалет автоматически. И так всегда было. Это святая традиция екатеринбуржцев. Тут очереди даже бывают. И в советское время тут опасно было, да. Тут у нас в соседнем доме банда одна жила, они многих перерезали. Особенно любили резать женщин, которые такие, необремененные худобой. Ну как вы, кароч. Вот таких они резали. Маньяки. И грабители. Все вместе. А над нами, прямо на чердаке под крышей, нашли в девяностые только все их орудия убийства. Но с того времени никто туда не залезал. Кроме воров-домушников. Вот в соседнем подъезде именно так и орудовали они. Они на чердак залезают, а потом раз так – офисный потолок разбирают и влезают

в помещение. Пару компьютеров забрали так. И еще статуэтку. Дом старый, там какой-то люк был между чердаком и последним этажом. Даже сигнализация не спасла. Но так да, транспортное расположение удобное. Стены толстые. Дом теплый... Коммунальщики дерут много, конечно... Но так везде. Что еще должна сказать... А! Да. Я где-то читала, что при продаже надо рассказывать обо всех несчастных случаях и обо всех смертях, которые тут были. Я продавец очень честный. Мама продавец, конечно. Но не суть. Мама тоже честная. В этой квартире умерла только прабабка. Вот в этой самой комнатке. Курила много очень. Вы не курите? Я вот, как видите, тоже курю. Яблоня от яблони. Так вот. Курила она так, что после ее смерти потолок над ней черный от дыма был. Вот так я не курю. Я невзятяг даже. Рак губы будет. А потом еще пару месяцев ее прах тут лежал. Потому что, ну, тело кремировали, а дети ее не договорились, кто ее хоронить будет. Так вот и стояла урна тут непохороненная. А потом ночью мой дед диссидент проник сюда – он тут не жил просто в то время, – выкрал урну и темной ночью похоронил на кладбище тайно. Я вас не пугаю. Я продавец просто честный. А так же тут еще... Ну, темные силуэты в зеркалах я не видела ни разу... А вы из интеллигентной семьи? Это дом ученых. Тут в тридцатые его весь ученым отдали. У нас последняя квартира, где живут их потомки. Все остальные квартиры посуточно сдают. И вот еще за стенкой там маленькая девочка на скрипке учится играть. Так что у нас тут все должно быть хорошо.

Марина пинает пустую бутылку под кровать.

Марина. Это бардак так. Случайно. Извините. Мир, труд, май отмечали. А кстати, еще и Парад Победы эксклюзивно по ночам перед Девятым мая у вас тут проходит. Танки здесь репетируют. Надо будет тоже отметить.

За окном промелькивают молодые деревья. Как хорошо, когда ты юный, зелень вокруг юная и тебе не надо сдавать экзамены, не надо сдавать ЕГЭ, не надо идти в приказном порядке на парад. Вообще ничего не надо. Этот кайф молодой взрослой жизни в следующий раз, наверное, повторится только на пенсии, когда ты уже точно никому ничего не будешь должен. Марина и Вова едут в старом автобусе. Тепло.

Марина. А дача у меня от прадеда. Он ее купил. И у нас никто не закатывал банки. Наверное, у меня у одной такая семья, где банки не закатывали.

Молчание. А в этом молчании звук старого мотора, кочки, ухабы и громкая музыка из наушников мальчишки рядом. У этого мальчишки все еще впереди.

Марина. А эта деревня – она старше Екатеринбурга. Сильно старше. Тут еще старообрядцы ходили. Но мы не старообрядцы.

Вова смотрит в окошко, Марина держит его за руку. Очень боится отпустить.

Марина. Вов, мы с тобой так знакомы мало... А я тебе уже все рассказала. Я так болтать люблю.

Вова заметил рыженького котенка у женщины в корзинке. Женщина смотрит на мелькающие за окном березы и елки, котенок смотрит на Вову. Они с Вовой подмигивают друг другу.

Марина. У меня у папы прадед из казаков. Ну, белые то есть. Они не приняли революции. А потом затосковали, приехали вот. У них дом был фамильный. Как у меня. А их выгнали. Не революция если...

У водителя очень красивая восточная мелодия заиграла на телефоне. И едет Вова, будто в детстве. Мама у него тоже много разговаривала. Вова классический молчаливый мужчина с разговорчивой мамой. Солнечные лучики по стеклу играют. По стеклам очков бабушки играет солнышко. Весна. Какой это короткий промежуток времени. И за эти несколько дней надо успеть нарадоваться на весь год вперед, на всю жизнь вперед.

Марина. А у мамы евреи. Она внучка как бы еврея. Я-то уже не подпадаю, но все детство по Сохнутам, по лагерям этим еврейским детским. Все меня там спрашивали, как я понимаю свое еврейство. А как его понимать? Бесплатный лагерь летний, бесплатные сосиски к празднику, маца в шоколаде к Песаху, много бесплатной еды. Чечевицу я вот только из этих еврейских посылок «Джойнта» ела. Никогда не покупала ее. Дорогая. А в синагоге бесплатно давали. Как мне к этому относиться? Хорошо, конечно! Вот. А потом мама хотела, чтобы я поехала в Израиль, ну там программа бесплатная тоже есть, учиться чтобы поехала. А оказалось, что после восемнадцати лет нельзя мне в программы эти. И теперь для всех евреев я стала русской. Ну, помолчим, да...

Как хорошо, когда Марина молчит. Вообще когда кто-то молчит – это хорошо. А Марина еще и красивая. Молодая такая. И такая красивая. Как же приятно держать ее за руку. Вот в детстве было такое мыло в форме зайчика. Как Вова оно нравилось! И мыло это так вкусно

пахло. Никогда больше Вова не встречал этот запах волшебства. А тут встретил. Маринины руки так пахнут.

Марина. А в школе я отличницей была. А как-то к экзамену не готовилась одному и сдала. Ну просто память хорошая у меня, Вов. А это точно от еврейских предков. Потому что папины эти казаки...

Едут. Сирени так много в этом году.

Марина. А сирень – это к заморозкам.

Права Марина. Как же мало дней...

Марина. И вот тогда на экзамене том, ну и в школе... Поняла я тогда, короче, откуда все эти антисемиты. Ну... Реально евреи умнее. У меня и подружка еврейка была. Тоже умная. А хочешь анекдот про евреев? Приходит мальчик с банкой пустой в магазин, просит налить туда мед, а потом говорит, что деньги забыл, потом занесет... Не смешно? Там еще вся соль в том, что мед на стенках остался. На бутерброд хватит.

Вова улыбается Марине. Целует ее в щеку.

Марина. У меня вот все друзья антисемитами становятся, когда я про евреев рассказываю. Вов...

Вова целует Марину.

Марина. У тебя голова не болит после вчерашнего?

Марина водит по даче старичка. На участке старый бревенчатый дом, все заросло травой, на крыше дома выросло маленькое деревце. В самом доме полно книг. Вова сидит на крылечке и щурится от солнца.

Марина. Туда, в глубь участка, не будем заходить. Там не пройдем. Ну, там много, да. Большой участок очень. Я, когда маленькая была, все лето здесь проводила. Кошка ловила мышей и птиц, а я их хоронила. Вон там, чуть подальше, за теми зарослями. Там у меня небольшое кладбище из всех этих птиц. А потом я мышей ловила. На хвост им резко так наступаешь, хватаешь ее – и в баночку. Просто переживала. Я же диких животных не видела. И вот думала, что надо им домик сделать. Переживала, что мыши бомжуют. Вот я их и в баночки маленькие из-под витаминок засовывала, делала дырочки в банке, чтобы было чем дышать, а потом еще и травы им туда. Чтобы кушали. Никак не могла понять, отчего они мрут. Я же им домик сделала. А как-то раз кошка сдохла соседская, похоронила я ее, крестик там поставила. А потом почва там сползла, это на горке было, труп с опарышами вниз скатился, прямо к этому дому нашему. Кошку я не стала особо так хоронить, потому что на опарышей очень хорошо клевала рыба. Я была лучшим рыбаком среди деревенских детей.

Они идут дальше по участку. Май. Старая трава не косилась много-много лет. А новая чуть-чуть пробивается. Но идти по этому невозможно. На Марину и на старичка липнет старый репей.

Марина. Репейника этого много, да, тут ничего не поделать, конечно... Не приезжал никто сюда давно.

Я только так, иногда, наездами. Мама-то у меня в Италии. А так больше никого не осталось. Тут, я вас должна заранее предупредить, раз вы так сильно настроены покупать дачу... Я должна вас обо всем предупредить. Но вы отнеситесь к этому серьезно. Я тут, например, одна боюсь ночевать, потому что кто-то ходит. По второму этажу, по чердаку кто-то ходит. А наутро даже запертые двери оказываются раскрытыми. Несчастных случаев никаких тут не было, никто не умирал... Но прадед купил эту дачу недостроенной. До сих пор, видите, стоит недостроенная. А купил он ее у вдовы. Муж ее строил для их большой семьи деревенской, но не достроил и умер. Вот, может быть, это он и ходит туда-сюда. Никакие иконы не помогают. Я не верю в это все. Но тут просто местные, деревенские, к нам сюда приходили и просили нас тут иконы по углам рассовать. У нас-то икон не было. У папиных только родственников. Но папа от них отрекся. А у маминых и подавно. Местные нам и рассовали эти вот иконы, из журналов вырезанные тут. Вы не знаете, что это за такие журналы, где иконы печатают? Бумага просто как в модных журналах. «Космополитан» будто это, а не православное что-то. Ой, извините, если вы верующий. Я просто нет. И тоже хочу, чтобы мои чувства защищали.

Вова заходит в дом, смотрит на книжки, читает, что там написано. Прямо перед ним старая книжка с крупной надписью «Язык Ада». Вова заглядывает в старые мутные зеркала, где-то жужжит застрявшая муха. По углам на скотч приклеены иконы из журналов. От этого лица святых напоминают серьезные лица позирующих моделей из мира гламура.

Марина. Нам все вокруг завидуют, наверное. Не знаю. Просто таких, как мы, всегда не любят. Этот вечный кон-

фликт деревни и города. Они нас считают городскими. Считают, что мы болтаем только. Они все не расценивают интеллектуальный труд. Ну, я их не могу осуждать. Просто они по своим странным поверьям нам в дверной косяк постоянно засовывают иголки. Каждый раз, когда приезжаю, нахожу иголки в двери. А как-то раз даже кинжал нашла прямо перед воротами, воткнутой в землю. Как так они тут живут? Как так они тут выжили? Поражают люди, конечно, вообще. А мама у меня в Италии. Я говорила уже?

Среди книжек Вова находит фотографию. На ней седой дед с лупой, этот дед стоит прямо на том месте, где стоит Вова. И дед разглядывает через лупу книжку «Язык Ада». Вова открывает эту книжку, а там ничего такого. Просто один из старых языков программирования.

5

Марина и Вова закрывают ворота дачи, идут пешком. Старичок садится в большую серебряную машину, уезжает. За машиной по воздуху тянется пыль. Марина отдает Вова какую-то книжку старую.

Марина. Она тут сгниет. Тут влажность. А у меня не сгниет.

Они идут, солнце светит, сирень.

Марина. Вот везде всегда пишут, что запах сирени душист. Меня ни разу не душил.

Они доходят до одного деревенского дома.

Марина. Подожди.

Она подходит к воротам, стучится долго.

Марина. Сейчас. Сейчас.

Выходит красивая женщина в халате. Она возраста Марины, но женщина эта прямо самая настоящая русская красавица. Удивительно, что до сих пор такие сохранились. У женщины в руках ведро.

Марина. Полечка, здравствуй. Я тут вот приехала. Я же у вас ключи оставляла, да? Вы же смотрели за дачей? А подсажи, пожалуйста, вы брали стульчики такие с высокой спинкой, они еще кожей так обтянуты? Красивые такие. Старые. Мне вот очень надо, чтобы вы их вернули. Я же знаю, что это вы их брали. Вы же устраиваете со своими посиделки там... Стулья вот мне бы вернуть. Они как память мне дороги. Они от прабабушки еще моей сохранились. А она была известным вирусологом. Я бы дома у себя музей сделала. И водила бы туда группы. Помнишь, ты пошла учиться на дизайнера ландшафта, а я на переводчика? Ты выучилась?

Полечка смотрит на нее. И не очень понимает, чего от нее хочет эта Марина. Никаких стульев Полечка в глаза не видела. Не берет она ничего чужого. Своего навалом.

Марина. Полечка, мне очень стулья нужны эти. И, если что еще брали вы или ты там... Верни, пожалуйста. Я теперь буду постоянно приезжать. Мама-то в Италии. Теперь я тут всем распоряжаюсь. Маме-то не надо ничего. А мне надо. Стульчики надо мне. Понимаешь? Ну что ты стоишь и смотришь на меня глазами своими голубыми? М? Полечка?

Полечка посмотрела еще на эту Марину. Ну и вылила помои в сторону. А они потекли к ногам Марины.

Марина. Ты специально? Ты!

Полечка развернулась и ушла к себе за ограду.

Марина. Вова! Полечка! Блин! Я выцеплю у тебя свои стулья!

Вова берет Марину за руку, тянет ее идти дальше.

Марина. Вова!

Вова целует ее. Май. И у Марины такие нежные губы.

6

Ночь. Екатеринбург. Вова катает Марину в тележке по пустым улицам. Вокруг старые дома. Марина визжит от удовольствия. Вова смеется. Светофоры мигают вместо звезд. Звезды в городе не видны. Тепло. И запах сирени все-таки душит.

Марина. Вова! Я тебе тут про все расскажу! Про все дома! Я в детстве на кружок краеведов ходила! Осторожнее!

Тележка с Мариной подпрыгивает на небольшой кочке, Марина визжит, смеется.

Марина. Вот тут, в этом доме, всегда была аптека. Какой-то немец приехал сюда и решил, что городу нужна хорошая аптека, вот он ее и построил. До сих пор самая

известная в городе! А дом какой! Вот он сам отстроил, потом дети его тут жили, а потом дети уехали куда-то, а аптека осталась. А, вот-вот, этот дом – это памятник конструктивизму. Здесь жили всякие важные шишки города. Сейчас уже потомков их тут нет. Все разъехались. Тут одна моя знакомая семья жила. Они все-все музыканты. У них пятеро детей, так они из детей квинтет сделали. Оч крутые. Тоже уехали. Все уезжают. И мы, Вова, с тобой уедем! А там, через речку, вон там, семья купцов жила. Они очень модные были. Потом революция, их часть расстреляли, часть уехала. Очень много сделали нам хороших вещей в городе. В школе когда была, в этом доме проводились вечера, где мы будто приглашены к этим купцам в гости. И я писала письма, будто в прошлое, а мне отвечали. Но по ходу дела это все нравилось больше работницам музея, которые очень легально надевали свои платья красивые. Вова! Аккуратнее! Когда я даже это задание дополнительное делала, когда письма эти дебилные писала в прошлое, мамка на меня все равно орала постоянно. Типа почерк у меня хреновый или оборот тупой, лишнее слово, лишняя закорючка. И вообще у меня не пальцы, а сардельки. Посмотри, Вова! А-а-а-а! Осторожно! Посмотри! У меня же длинные пальцы?

Вова останавливает тележку. Целует Марину в макушку, разгоняется, бежит с Мариной в тележке по асфальту.

Марина. Вова! Прыгай ко мне! С горки вместе сейчас покатаемся! Я люблю мааааааай! Вова! Я люблю асфааааааальт! Вова! Я люблю эти дома! Воваааааа! Там, где фиолетовый свет в окнах, не всегда живут наркоманыыыыыы! Вовааааааа! Ааааааааа! Я никуда не уедуууууу! Вовааааа! Если шептать стене, то она никому не расскажет! Воваааа-

аа! Всегда-всегда будет помнить! И не важно, какие на ней обои! Вова! Я хочу еще вина! Вова! Я свитер за пятьдесят рублей купила в «Баско Пати»! Вова! Я никогда не заведу домашних животных, потому что они умрут! Вова! Я хочу обняться с кактусом! Вова! Забери мою фамилию! Я хочу быть Мариной Вовиной! А твоя фамилия будет Маринин! Вова Маринин и Марина Вовина! По этой улице я шла с бабушкой вечером и рассказывала ей про колокола, что я их так люблю! Вова! Кому я теперь буду все рассказывать? Я хочу всем-всем-всем рассказывать, как я всех-всех-всех люблю! Вова! Вези меня всегда-всегда... Мы с тобой разгонимся до сверхзвуковой, а дальше до первой космической, потом до второй и даже до третьей. Я согласна, Вова, жить без памяти, без этих стен, которым столько нашептала я, столько нашептала мама, столько нашептал дедушка, прабабушка... Я готова, только тогда никогда-никогда не возвращаться и не знать, что тут, на Земле. Я хочу путешествовать с тобой сквозь пространство и время. Вова! Мы улетим в далекие миры. И жизнь нас захватит. И мы позабудем с тобой эти улицы, позабудем наш Екб. Позабудем ночи. Мы забудем с тобой май. И сирень. Вова...

Вова несется с тележкой. Очень они счастливы. Ну конечно, чего им печалиться? Двадцать три – это простое число. Двадцать три – это счастье. Двадцать три – это много всего впереди. Двадцать три – даже звучит красиво. Никогда не повторится молодость. Ни моя, ни чья-либо еще. Ну и пусть не повторяется. Будут новые любви. Будут новые города. Будут новые страны. Будут новые люди. А то, что было, – никого не касается. То, что было, – никого не волнует. То, что было, – скрыто землей. И никто никогда не узнает, что где-то жизнь закончилась, где-то началась. Никто никогда не узнает тех, кто не сделал никакого вклада в жизнь человечества. Да

и тех, кто сделал вклад. Кто о них что знает? Кто знает, что думал Эйнштейн, когда не спал? Кто знает, что думал Тесла, когда ходил в магазин? Кто знает, отчего по ночам плакала Ада Лавлейс? Знаем только то, что нужно нам. И нужно ли?

Вова обо что-то запинается, падает, тележка несется сама по себе, Марина кричит. Падает. Падает больно. Вова к ней подбегает. Марина жива. Все хорошо.

7

Кабинет врача в травмпункте. Сидит Марина, врач что-то записывает.

Марина. Ну вот да... Я не понимаю, это у меня сотряс или похмелье. Тошнит просто, и голова кружится. Ну и вообще хреново. Шишка большая будет? Я очень переживаю. Точно нет переломов? Я очень переживаю. Потому что у меня бабушка сломала шейку бедра, но тоже вот переживала, у нее все срослось, но она боялась вставать. Так от атрофии и умерла. Вот я, наверное, тоже буду бояться встать. А еще у прабабушки моей туберкулез был, поэтому вы не смотрите, что у меня в карточке написано, что манту всегда большие и подозрения на туберкулез. Передается же все как-то там по наследству, да? Почему вот знания и умения не передаются так? Только болезни, кудрявость волос, жирность кожи, рост, цвет глаз... Будто ты живешь не в своем теле, а в теле предков своих, всех разом причем. Но без их мозгов. Вот как так? Я должна, значит, сохранить эти гены, передать их. И весь этот сосуд наполнить смыслом существования. А какой смысл? Вот они все жили-жили. У них там и семья, и работа, и признание. И вещи всякие прикольные.

И приключения. А смысл какой? Ну окей, вклад в культуру. А какой? Кому нужен он? Я, что ли, буду перечитывать библиотеку их всю? Никто не будет. Только на полку поставят для красоты книжку их, над которой они тряслись, бедные, всю жизни. Какой смысл? Вот стали они братьями, сестрами, родителями, бабушками, дедушками... А смысл? У них же он был? Че, нельзя было по наследству его передать? Как бы было вообще норм тогда. А так... Вот че это такое? Как мне теперь? У них май такой же был? А как они сбежали из своего дома? Как они свалили от той своей истории? Как они стали более значимыми сами по себе, чем огромная история всего их рода? Это же и моя история, получается, тоже. А я ее не знаю, потому что мне не передали. А я свое это все передавать не хочу. Похмелье, наверное, все-таки это. Не сотряс. Грустно мне просто очень чет. Это точно похмелье. С похмелья так грустно всегда. У меня еще нога болит. Я не знаю, от какого это предка. Просто у меня болит нога. Она всегда болит, когда иду. Как я куда-то сбегу, если моя нога сама по себе, без генетических историй, болит? Как мне сбежать из этого всего суперкрутого? Как мне построить мир на обломках?

Молчание. Врач что-то пишет. Даже внимания на Марину не обращает.

Марина. Ясно-понятно.

Она встает, врач и этого не замечает. Или не хочет замечать. Марина уходит. Врач дописывает. Подходит к форточке, открывает ее и вдыхает запах сирени.

Квартира, но уже прибрано. Марина показывает ее очередному покупателю. Теперь это женщина сорока лет. Очень прилично выглядит. Ну очень. На все пуговицы застегнута блузка. И лифчик ниоткуда не выпирает.

Марина. Да, еще тут умерла моя прабабушка. Вот прямо здесь, на этом месте. Тут вот черное пятно от сигарет было. Вы не курите? Ну и хорошо. Это вот грамоты моего деда... Я, конечно, понимаю, что все решает мама, но она в Италии. А я здесь. И это я буду решать, кто будет жить здесь.

Женщина набирает сообщение кому-то. Кивает Марине. Фотографирует все вокруг.

Марина. Я долго вещи отсюда вывозить буду. Мама меня в Италию к себе забрать хочет. У меня мама такая... Еврейская. Не могу послушаться. Вот стану мамой. Тоже буду еврейской. Я пока тренируюсь. Вот тут в войну жило три семьи на одну комнату. Пол с тех пор не меняли. Это же считается раритетом? Цена будет повыше. А вы тут же одна жить будете? Вам же уже не двадцать и не двадцать три даже... У вас что впереди? Какую вы жизнь покажете этим стенам? Эти стены кого ни попадя не пускают. Тут только интеллигенция живет. Вот вы в каком поколении? А я уже в седьмом! Я в седьмом! У меня все преподаватели и еще есть казаки. И где-то лет сто назад мои предки друг друга убивали, но кто же знал, что мама сойдется с потомком казака? А евреев знаете как не любили? И до сих пор не любят! Вот когда рассказывают анекдот про евреев, это считается бытовой антисемитизм. А тут в соседних квартирах репрессированные жили. Их пря-

мо отсюда забирали. И из этих окон видно было! Тут еще банда орудовала! А я цену еще подниму. Потому что в этот дом Бажов приходил. И тут все академики жили! А еще это памятник архитектуры! И вообще! Тут счастье должно еще быть. Вот детство у вас счастливым было? У меня вот счастливое. Я вот еще чуть-чуть – и свадьбу бы здесь отпраздновала. У меня потому что все хорошо в жизни, как должно быть. Потому что предки же поняли, как жить нужно. Вот и я буду так же жить. Если буду так же жить, то жизнь правильно проживу. А вы правильно живете? Я правильно ее проживу, и так получится, что вообще все очень грамотно. Если правильно прожить, то тогда жизнь засчитывается. Тогда ты не зря жил. Тогда в этом всем смысл был. Ясно? Мне вот все очень ясно. Просто предельно. Детство не вернуть, а оно у меня правильное было. Я в первом классе уже с двумя неизвестными уравнения решала. Вам показать? Я могу вас тоже научить. Это легко. А еще я стихи писала, когда была в первом классе. Это меня дедушка научил. Он потому что еще и стихи писал. Он ни секунды своей жизни зря не прожил. И я не проживу. Эти стены не любят, когда зря живут. Вообще никто не любит, когда зря живут. Вообще никто никогда такого не любит. Мы умрем, а после нас много чего останется. Потому что мы живем правильно, а все остальные нет! Вот тут на шкафу выцарапано: «Марина 7 лет». Это мне было семь. В школе у всех мерили рост у одноклассников, и родители каждому сантиметру радовались. А мой рост никто не отмечал. Потому что не это важно. Потому что важно, чтобы я выросла ученой, чтобы я стала важной и большой шишкой, чтобы меня все уважали. А мой рост – это не важно. А я думала, что важно. Вот и выцарапала на этом старом антикварном шкафу, что, Марина, тебе семь лет. Марина, твой рост такой. Я в два раза выше теперь.

Женщина кивает еще раз, выходит из квартиры, что-то кому-то пишет в телефоне. Марина закрывает дверь. Марина берет нож с кухни, режет на полу, на стенах, на столе, на шкафах...

Марина. Бабушка. 1957. Победила. Папа. 1970. Родился. Я. 1997. Родилась. Марина. Здесь была. Мама. 2000. Красивое красное платье. Дедушка. 2001 шоколадка «Россия – щедрая душа» и 10 рублей на 8 Марта. Прабабушка. 1968. Больница. Прадедушка. 1941. Звание. Бабушка. 1934 родилась. Дедушка. 1953. Победил. 1993. Мама и папа. Свадьба. 1995 прабабушка. Смерть. 2002. Дедушка. Смерть. 2012. Папа. Ушел. Марина. 7 лет. Марина. 23 года. Марина. Я была здесь.

9

Марина записывает голосовое сообщение маме.

Марина. Мам, ты зачем меня заставляла таскаться? Если ты заочно продала! Мама! Это нечестно. Я не хочу к тебе. Мам, где моя родина? Бабушка приехала с Кавказа. Прадед из Белоруссии, прабабушка с Украины. У тебя гражданство Израиля. Ты живешь в Италии. Папа в Москве. Я в Екб. Я одна тут. А где мне быть теперь? Это мой дом, мама. Ты чего? Мама? Теперь весь мир должен стать моим местом? Моим домом? Я не хочу так. Ты чего? Мама? Я не буду больше никогда тебя видеть. И даже знать не буду, что ты есть или тебя нет. Мама. Я все делала, чтобы никто не купил ни дачу, ни квартиру. Мама. Так нечестно. Так нечестно, мама. У тебя самой какая родина? Ты же тут родилась? Почему ты можешь все бросить и уехать, а я нет? У меня другое поколение. И я не выживу.

Я не умею жить на пятнадцать тысяч в месяц, я не умею готовить котлеты, я не знаю, как правильно списывать счетчики и ругаться с соседями. Мама...

Марина сидит немножко. Смотрит в окно. Там Вова внизу с цветочком. Он ее заметил, он ей машет. Марина берет одну книжку наугад из старой библиотеки предков, берет зубную щетку и свою маленькую сумочку. Она выключает везде свет. Закрывает дверь, целует дверь. Бежит по ступеням вниз. Хватает Вову за руку. Они идут. Не оборачиваясь. Май. Сирень. Окна в квартире Марины начинают загораться. Они горят. И там теперь живут другие люди. У них своя жизнь. У них свои проблемы. Они вешают другие шторы, снимают полы, клеят новые обои... Жизнь продолжается. А Марина и Вова идут. Портится погода. Ведь когда цветет сирень – жди похолодания. А на Урале в майские праздники всегда идет снег. Вот и тут. Идет снег. И в открытые форточки Мариной квартиры он залетает и залетает. Снег не тает. Он засыпает квартиру, дом, дачу, засыпает весь город. А Марина и Вова идут в какие-то новые места, и их шаги отпечатываются в этом снегу. И метель их не замечает.

КОНЕЦ